

Указательные местоимения в прозе Богумила Грабала и их русские соответствия

Абрамова Елена Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Указательные местоимения (далее УМ) в чешском языке характеризуются исключительно высокой частотностью, в связи с чем они уже не раз становились объектом лингвистических исследований, в том числе и в чешско-русском сопоставительном плане. основополагающей работой в этом направлении стала статья [Адамец], где автор классифицирует функции чешских УМ и выявляет соотносительные средства выражения этих функций в русском языке. С опорой на классификацию П. Адамца мы анализировали употребление УМ в рассказах классика чешской литературы второй половины XX в. Б. Грабала и их соответствия в русском переводе [Грабал].

Наш материал позволил проиллюстрировать новыми примерами выделенные П. Адамцем для чешских УМ первичную идентифицирующую функцию с тремя разновидностями (дейксис Д, анафора А, катафора К) и вторичные функции: экспрессивную (Э) и функцию напоминания (ФН). В отношении первой проведенное нами сравнение чешского и русского текста подтвердило сделанный автором указанной работы вывод о том, что УМ в функциях Д, А и К выступают в обоих языках, однако в чешском «местоимение *ten* часто встречается и там, где его употребление не вызывается потребностями идентификации, и, следовательно, его частотность оказывается значительно выше, чем у соответствующих местоимений в русском языке» [Адамец: 188]. Ср. употребление УМ в функции Д в чешском тексте (УМ+) при его неупотреблении в русском (Ø):

A ty dva koně dopravít do Poděbrad tam, kde jste si je vupřijčili! – *А коней доставите в Подебрады, туда, где вы их наняли!* (Возможное в русском употребление *этих /двух/ коней...* предполагало бы ситуацию подчеркнутого прямого указания, граничащего с экспрессией, что в данном контексте отсутствует).

Тем не менее, как констатировал П. Адамец, употребление УМ в названных функциях в чешском языке не является обязательным, в подтверждение чего наше сравнение позволяет привести обыкновенно не отмечаемые случаи неупотребления чешского местоимения *ten* там, где в переводе выступает его русский эквивалент: <...> *a došel na most, tak jak se ten most* (А, УМ+) *před ním zužoval, tak se zužoval i Vincíček* <...> *ale Vincíček byl odhodlaný, že musí pro Národní politiku k panu Hálovi na náměstí přes most* (Ø)... *A cestou nazpátek zažíval Vincíček na mostě* (Ø) *ten samý děs a hrůzu...* – <...> *и в конце концов достигал моста, и по мере того, как мост* (Ø) *перед ним сужался, сжимался и Винчек* <...> *однако Винчек был полон решимости идти за «Народной политикой» в заведение пана Галла, что находилось на площади за тем мостом* (УМ+) <...> *А на обратном пути Винчек переживал на этом мосту* (УМ+) *тот же ужас...* (Возможное в русском сочетание *на площади за мостом* без УМ подразумевало бы ‘за мостом вообще’, неупотребление же УМ в случае *переживал на мосту тот же ужас* маловероятно ввиду наличия анафорического *тот же* = чешск. *ten samý*).

Из двух выделяемых П. Адамцем вторичных функций чешских УМ в тексте Б. Грабала особенно своеобразно реализуется ФН. В целом она может рассматриваться как частный случай анафорической отсылки к предыдущему контексту – здесь это общий фонд знаний говорящих, актуальный в данной коммуникативной ситуации. Например: *Máte s sebou ty ostré nože?* – *У вас с собой ваши острые ножи?* (УМ в оригинале и притяжательное местоимение в переводе подразумевает «вы знаете, какие»). В соответствии с этим чешские УМ употребляются в ФН, как правило, в прямой речи. Однако у Б. Грабала УМ в подобной же функции можно встретить и в авторском повествовании. Текст, написанный от первого лица, при этом является как бы «прямой речью» автора, а использование УМ в ФН предстает своеобразным приемом, создающим иллюзию наличия у читателя общего с автором фонда знаний. Эту разновидность указанной функции мы называем «условным напоминанием» (УН). У Грабала она нередко выступает в сопряжении

с реализацией тем же УМ или другим УМ в соседнем контексте иных, первичных либо также вторичных функций. Ср. начало рассказа «Божьи дети»: *Vlastně i ten strýc Pepin* (УН), *ten* (К), *který přijel až z Moravy do Nymburka, nakonec se stal jednou z těch pomatených figurek* (УН), *těch* (К), *kterí žili v městečku, kde se zastavil ten jejich čas* (усилительный Д или Э в сочетании с УН), *těch jurodivých a pomatených* (К), *kterí žili, aby nenalezli smysl svého pomatení, a těm druhým* (выделительный Д) *působili obveselení, někdy i za cenu smrti. – Даже дядюшка Пепин, приехавший в Нимбурк из самой Моравии, превратился в конце концов в одну из тех безумных марионеток, что жили в городке, где остановилось их время, в одного из тех юродивых и сумасшедших, которые жили, не ища смысла в своем помешательстве, и веселили прочих, иногда даже ценою собственной смерти.*

Один этот пример показывает, насколько более частотны УМ в чешском тексте по сравнению с русским и насколько тоньше нюансированы их функции, как первичные, так и вторичные, перечень которых, содержащийся в статье П. Адамца, можно было бы расширить, выделяя все более частные. Отметим, например, «удостоверительную» функцию, выполняемую УМ при замещении ими названий отличительных признаков предмета, благодаря которым возможна оценка его «истинности», ср. у Грабала: *Ale to by nebyl ten život pana Růžičky...* – *Но это была не вся жизнь пана Ружички...* Добавим, что как раз эту функцию реализует иногда и русское УМ (*не тот* – при этом не находящее местоименного соответствия в чешском, ср. разг. Эх, *не ту* *специальность я себе выбрала!* – *Jo, holt jsem si zvolila špatný obor!*

Литература

- Адамец П. Функции указательных местоимений в чешском языке в сравнении с русским // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 173–191.
- Грабал Б. Слишком шумное одиночество. СПб., 2002.